

*ОБОТУРОВ Алексей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Вологодского государственного университета. Автор 76 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, трех учебных пособий (в соавт.) и 4 коллективных монографий**

КОНСЕНСУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОБОСНОВАНИЮ ИСТИННОСТИ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

В статье анализируются роль и значение консенсуального подхода, соотношение консенсуса и диссенсуса, конвенции и дискуссии в обосновании объективности и истинности научных теорий. Дана характеристика традиционной теории познания, ориентированной на приоритет эмпирических, индуктивных методов, рассматривающих конвенцию как проект рациональности, логической корректности, практической применимости, отсутствия конкурирующих теорий. Показано значение идей критического рационализма К. Поппера, представителей постпозитивизма в преодолении эмпирического индуктивизма, постановке основных проблем неклассической теории познания, методологии плюрализма, недоопределенности теории эмпирическими данными, несоизмеримости конкурирующих теорий и контрнормативного поведения ученых, во взаимопонимании участников дискуссий при разработке научных исследовательских программ. На основе анализа работ представителей постпозитивизма обоснована несостоятельность квалификации их взглядов как позиции одностороннего иррационализма и релятивизма, исследующих в контексте неклассической эпистемологии проблемы относительной автономии теоретической науки и общепризнанной методологии. Показано, что доводы Т. Куна о необходимости перевода несоизмеримых теорий с одного языка на другой, расширение П. Фейерабендом предела научных теорий, применение методов «гносеологического анархизма» и пролиферации, концептуализация И. Лакатосом методологии исследовательских программ и их эвристического потенциала сыграли позитивную роль в обсуждении основных проблем обоснования истинности научных теорий, особенно в период научных революций. Автор отмечает, что современное исследовательское внимание к постпозитивистским концепциям определяется не результатом простого интереса к анализу проблем философии науки XX века, а возрастанием потенциала конвенциональной методологической стратегии, особенно в социально-гуманитарных науках, как основы конструктивно-прогностического, коммуникативного, консенсуального процесса научного познания и деятельности.

Ключевые слова: философия науки, консенсуальный подход, конвенция, консенсус, диссенсус, несоизмеримые теории, недоопределенность, контрнормативность, предел фундаментальных теорий, плюралистическая методология.

*Адрес: 160035, г. Вологда, ул. Орлова, д. 6; e-mail: oboturov_a@mail.ru

Для цитирования: Оботуров А.В. Консенсуальный подход к обоснованию истинности научных теорий // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 58–67. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.58

Актуальной проблемой философии науки на современном этапе ее развития является вопрос о роли консенсуального подхода, осознание значения которого «явилось альтернативой всем классическим концепциям природы научной истины, как субъективистским, так и объективистским»¹. Необходимость пересмотра классического подхода к проблеме истинности научного познания обусловлена тем, что в научном сообществе постоянно имеет место «критика различных гипотез, теорий и программ в их претензиях на объективную, а тем более абсолютную, истину»².

Главной причиной обращения философии науки к проблеме консенсуальности, по справедливому утверждению С.А. Лебедева, является то, что «консенсус по самой своей природе всегда неразрывно связан с определенным и исторически вполне конкретным множеством ученых, не только с его наиболее активными творцами, но и с более широким классом ученых в качестве его носителей»³. Несмотря на это, в современной философской литературе наблюдается приоритет эмпирического, натуралистического подхода в ответе на вопрос об истинности тех или иных, порой прямо противоположных, течений.

Задача данной статьи состоит в анализе роли постпозитивизма в разработке проблем соотношения конвенции, соглашения и диссенсуса, дискуссии, несоизмеримости, недоопределенности, контрнормативности несоизмеримых концепций в развитии научного познания и обоснования истинности научных теорий в контексте консенсуальной методологии.

Классическая ориентация на приоритет консенсуса в развитии научного познания. Центральной проблемой неклассической теории познания является вопрос о роли конвенции как познавательной операции, предпо-

лагающей «введение норм, правил, ценностных суждений, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания» [1, с. 16]. В классической теории познания главную роль играет эмпирический, индуктивистский подход, представленный философией Ф. Бэкона, Дж. Ст. Милля, Ст. Джевонса, Г. Рейхенбаха, Р. Карнапа. Ему противостояли разнообразные концепции: конвенционализма А. Пуанкаре, А. Грюнбаума, Д. Гильберта, Р. Фейнмана; логицизма Г. Фреге, Б. Рассела; интуиционизма Л. Брауэра, А. Гейтинга; прагматизма Ч. Пирса, К. Маркса; герменевтики В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера и др.

В традиционной теории познания принятие конвенции выступало как проект рациональности, логической корректности, практической применимости, отсутствия конкурирующих теорий и т. д. Однако пришедшая на смену классической неклассическая эпистемология поставила вопросы о соотношении консенсуса и диссенсуса в развитии научного познания, роли дискуссии, недоопределенности теории эмпирическими данными, а также контрнормативном поведении ученых, которые имели высокие достижения, но «с повторяемостью нарушали нормы или законы, обычно называемые научными»⁴.

Определенный вклад в преодоление эмпирического индуктивизма внесла концепция критического рационализма К.Р. Поппера, с точки зрения которого высказывания или системы высказываний содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, «если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом или, более точно, – если их можно *систематически проверять*, то есть подвергнуть (в соответствии с некоторым “методологическим решением”) проверкам, результатом которых *может быть* их опровержение» [2, с. 239].

¹Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // Вопр. философии. 2015. № 6. С. 61–62.

²Там же. С. 61.

³Там же.

⁴Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996. С. 305.

Исходя из этого, Поппер выступает с критикой историцизма, претендующего на «создание идеальных социальных проектов, социального прогнозирования, а также с критикой тоталитаризма, ограничивающего свободу, творчество, многовариантность общественного развития» [3, с. 20].

Вопросы о том, имеют ли конвенции как продукты соглашений опытное происхождение, являются или нет результатом субъективного произвола, находились в центре внимания основателя конвенционализма А. Пуанкаре. В дальнейшем в различных вариантах конвенционализма лежали такие философско-гносеологические положения, как рациональность научного знания Р. Карнапа; творческая активность исследователя и принципы опровержения критического рационализма К. Поппера; приоритет семантических правил в процессах продуктивного применения языка «радикального» конвенционализма К. Айдукевича. Однако, несмотря на разную специфику, общим для направлений конвенционализма являлось признание того, что конвенции представляют собой результат деятельности «элитных» групп ученых, которые и формируют основные принципы функционирования научных сообществ.

Так, Л. Лаудан, анализируя кризисные явления в философии и социологии науки, утверждал, что в 40–50-х годах XX века эти дисциплины имели собственные картины мира, но, несмотря на то, что в основе философского подхода лежал логический эмпиризм и критический рационализм К. Поппера, а в основе социологического – ценностно-нормативистский подход к анализу структуры науки Р.К. Мертона и его последователей, в конечном итоге эти картины науки «оказались совершенно подобными и подчеркнуты дополнительными»⁵. Их сходство состояло

в признании и объяснении «высокой степени согласия, которая достигается в науке»⁶.

Однако в 60–70-е годы XX века взгляды многих исследователей стали меняться, т. к. тезисы логического эмпиризма и мертоновской социологии потеряли свою силу. В центре внимания исследований «новой волны» оказалась другая проблема: не общность и согласие, достигаемые в науке, а, напротив, – периодические всплески разногласий. В результате стало понятно, что философские и социологические модели, ставящие во главу угла проблему согласия в науке, принимали настолько сильные допущения, касающиеся механизмов достижения этого согласия, что «затруднительно было придать смысл размаху и характеру научных разногласий и споров»⁷. Поэтому одной из главных задач в анализе развития научного познания стала разработка такой модели науки, которая объясняла бы обе эти установки, достигала соотношения конкурирующих теорий, их взаимосвязи и взаимопереходов. Это было особенно актуально для гуманитарного знания в отличие от естественнонаучного, хотя «согласованность» естественных наук также относительна, т. к. «теории, по отношению к которым достигается консенсус, быстро приходят и уходят»⁸.

Истоки веры философов 30–40-х годов XX века в возможность достижения консенсуса лежали в «лейбницианском идеале» науки, с точки зрения которого все дебаты относительно фактического положения дел «могут быть беспристрастно разрешены привлечением соответствующих правил доказательства»⁹. Эта уверенность в возможности достижения согласия, начиная с Ф. Бэкона, была присуща большинству философов, считавших, что существуют алгоритмы, позволяющие всякому беспристрастному наблюдателю судить о степени, с которой «некоторый корпус данных по-

⁵Лаудан Л. Указ. соч. С. 295.

⁶Там же. С. 296.

⁷Там же.

⁸Там же. С. 298.

⁹Там же. С. 299.

звояет рассматривать различные объяснения этих данных в качестве истинных или ложных, вероятных или невероятных»¹⁰.

Исходя из этого, представители позитивизма считали, что необходимо так переработать логику, чтобы она позволяла получать новые, надежные знания в различных областях наук, в т. ч. и гуманитарных, подобно положениям математического естествознания. В основе такого подхода лежала уверенность в том, что наука состоит всецело из утверждений о фактическом, поэтому разногласия такого рода мыслились разрешимыми. Так, Р.К. Мертон считал, что универсальные нормы накладывают свои обязательства на человека в науке в форме «предписаний, предпосылок, проскрипций и преференций» [4, с. 268–269].

Однако признание консенсуса как главного фактора в развитии науки, свойственное философам и социологам 50–60-х годов XX века, не выдерживало более глубокого анализа, т. к. «фактические данные – особенно на границах исследования – могут быть весьма недостаточными, чтобы определить в науке выбор между теориями»¹¹. Более того, способность и готовность ученых нарушать нормы научного поведения играли важную роль в дальнейшем прогрессе науки, поэтому «новая волна» философов второй половины XX века обратила внимание не только на роль консенсуса, но и диссенсуса в анализе специфики развития научного познания, на признание положения Поппера о том, что «никакой эмпирический опыт (“факты”) принципиально не способен доказать не только истинность, но даже вероятность истинности никаких общих научных концепций и теорий...»¹².

Постпозитивистский неклассический подход к пониманию роли дискуссий и дис-

сенсуса в соотношении несоизмеримых теорий. Основными аргументами в подрыве классической теории аргументации стали признание роли дискуссий в развитии науки, тезисы несоизмеримости и недоопределенности теорий, а также «феномен успешного контрнормального поведения»¹³. Историческими примерами роли дискуссий в развитии научного познания явились дебаты между сторонниками идей Платона и Аристотеля, номинализма и реализма, Локка и Лейбница, Декарта и Ньютона, Птолемея и Коперника, Пристли и Лавуазье, Эйнштейна и Бора и т. д. Именно такие длительные дискуссии, по утверждению Т. Куна, объясняют появление на определенных этапах развития познания научных революций, новых парадигм – их авторы, будучи мало связанными с предшествующей практикой и традиционными правилами нормальной науки, могут видеть, что «правила больше не пригодны, и начинают подбирать другую систему правил, которая может заменить предшествующую»¹⁴.

Еще одним аргументом против консенсуальной классической теории развития науки стал тезис о несоизмеримости конкурирующих теорий – суть его состояла в том, что участники научных дискуссий «неизбежно по-разному воспринимают те или иные экспериментальные и наблюдаемые ситуации, к которым каждый из них обращается»¹⁵. На первый взгляд, столь разные подходы кажутся несовместимыми, но, по утверждению Куна, лексика, на основании которой обсуждается проблема, представлена одними и теми же терминами, поэтому вопрос о научной коммуникации превращается в перевод теории с одного языка на другой. В результате каждый ученый должен переводить теорию другого и ее следствия на свой язык и «описывать

¹⁰Лаудан Л. Указ. соч. С. 299.

¹¹Там же. С. 301.

¹²Лебедев С.А. Указ. соч. С. 61.

¹³Лаудан Л. Указ. соч. С. 302.

¹⁴Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 128.

¹⁵Там же. С. 254.

на своем языке тот мир, к которому применяется данная теория»¹⁶. Такой перевод, позволяющий участникам научной коммуникации выявить достоинства и недостатки своих точек зрения, представляет собой, по утверждению Куна, «мощное средство и для убеждения, и переубеждения»¹⁷.

Определенную роль в доказательстве необходимости диссенсуса в научном познании играет своеобразная недоопределенность теории эмпирическими данными, а также контрнормативное поведение участников дискуссий. Суть недоопределенности, или «тезиса Дюгема – Куайна», состоит в том, что теория не может быть логически доказана или отвергнута только ссылкой на какой-нибудь корпус эмпирических свидетельств, потому что «критерии выбора теории, разделяемые учеными, слишком расплывчаты, чтобы определять выбор теории»¹⁸. Это приводит ученых к контрнормативному поведению, отодвигающему в сторону эмпирические свидетельства, обычные научные нормы и каноны.

Так, П.К. Фейерабенд, выступая против методологического принуждения, ратовал за применение «контрправил», которые «противостоят некоторым известным правилам научной деятельности»¹⁹. К таким традиционным положениям относится утверждение, что именно опыт, факты, экспериментальные результаты служат мерилем успеха наших теорий, что согласование между теорией и «данными» благоприятствует теории, а расхождение между ними «подвергает теорию опасности и даже может заставить нас отбросить ее»²⁰.

Однако всякая методология, даже самая очевидная и фундаментальная, имеет свои пределы. Поэтому ученый, желающий максимально увеличить эмпирическое содержание своих концепций и наиболее глубоко уяснить их, должен «вводить другие концепции, т. е. применять *плюралистическую методологию*»²¹. Он должен сравнивать свои теории не только с опытом, но и с другими идеями, улучшать их, а не отбрасывать, развивать науку, действуя контриндуктивно, контрнормативно, но эффективно.

Таким образом, с точки зрения философов и социологов «новой волны», дискуссии, дебаты и разногласия «с гораздо большей вероятностью, чем консенсус, составляют “естественное” состояние науки»²². Вместе с тем представители «новой волны» не отрицают, что для поддержания нормальной науки необходим консенсус, взаимосвязанный с диссенсусом и дополняемый им. Поэтому обвинения Лаудана в адрес Куна, который якобы не располагал «ресурсами для правдоподобного объяснения перехода от кризиса к нормальной науке»²³, представляются не совсем убедительными. Сам Кун, излагая свои взгляды на соотношение образцов, несовместимости и научных революций, писал, что философы серьезно исказили действительные намерения этой части его аргументации, утверждая, что «сторонники несоизмеримых теорий не могут общаться друг с другом вообще; в результате при обсуждении вопроса о выборе теории бессмысленно апеллировать к *надежным* основаниям; вместо этого теория должна быть выбрана, исходя, в конечном

¹⁶Кун Т. Указ. соч. С. 259.

¹⁷Там же. С. 260.

¹⁸Лаудан Л. Указ. соч. С. 304.

¹⁹Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 160.

²⁰Там же.

²¹Там же.

²²Лаудан Л. Указ. соч. С. 305.

²³Там же. С. 306.

счете, из личных и субъективных соображений...»²⁴.

Такое искаженное понимание и такое изложение концепции Куна о несоизмеримости теории, которые сам он называл «домыслами», послужили поводом для обвинений его в релятивизме и иррационализме. Однако рассуждения Куна о переводе лексики одних теорий в другие говорят о том, что он считал весьма возможным и плодотворным процесс обсуждения авторами несоизмеримых теорий отстаиваемых ими идей: исследователи «могут проследить ход мысли шаг за шагом, сличая каждое продвижение с первоначальными условиями»²⁵. После того как участники дискуссии обнаруживают, что их прежние согласие не дает достаточного основания для доказательства, лишь тогда «спор продолжается в той форме, которую он неизбежно приобретает в период научных революций»²⁶.

Недостаточно справедливой представляется оценка Лауданом и позиции П. Фейерабенда: последний – якобы совместно с Куном – выдвигал представление о несогласии, оставляющем очень мало надежды на объяснение согласия, и разрабатывал теорию знания, «приветствующую безудержный теоретический плюрализм»²⁷. Лаудан рассматривает Фейерабенда как противника консенсуса, идеалом науки которого является разновидность бесконечного вопрошания, переходящая в архаическое «все дозволено». Станным представляется и обвинение Фейерабенда в том, что хотя он и признает возможность согласия между учеными, но порицает это состояние как недоразумение. Однако непосредственный анализ текста Фейерабенда убеждает нас в обратном.

В разделе «Против методологического принуждения» работы «Избранные труды по методологии науки» Фейерабенд говорит о допустимости использования гипотез, противоречащих хорошо подтвержденным теориям или обоснованным экспериментальным результатам, о возможности развивать науку, действуя контриндуктивно, о необходимости применять плюралистическую методологию. Но вместе с тем он утверждает, что не предлагает «некоторую новую методологию, которая индукцию заменяет контриндукцией и использует множественность теорий»²⁸. Такое понимание его размышлений ошибочно, ибо в его намерения вовсе не входила замена одного множества общих правил другими, он скорее хотел «убедить читателя в том, что *всякая методология – даже наиболее очевидная – имеет свои пределы*»²⁹.

Таким образом, «новая волна» вовсе не «упирает на диссенсус», а признание плюрализма методологий не означает, что представители «новой волны» отдают предпочтение несогласию по сравнению с согласием. Этот вывод можно сделать не только исходя из анализа работ Куна и Фейерабенда, но и И. Лакатоса, который, согласно Лаудану, делает упор на роль различных конвенций в оценке теорий и показывает, что «рациональные ученые могут полностью игнорировать видимые опровержения своих исследовательских программ»³⁰.

Однако анализ текстов Лакатоса показывает, что он в контексте идей критического рационализма К. Поппера исследует процесс развития науки как соперничество концептуальных систем, в основании которых лежат фундаментальные принципы области «жесткого ядра» данной научно-исследовательской программы.

²⁴Кун Т. Указ. соч. С. 255.

²⁵Там же.

²⁶Там же.

²⁷Лаудан Л. Указ. соч. С. 308.

²⁸Фейерабенд П. Указ. соч. С. 165.

²⁹Там же.

³⁰Лаудан Л. Указ. соч. С. 308.

Введение им понятий «негативной» и «позитивной» эвристики, с одной стороны, накладывает ограничения на процедуры опровержения, что создает своеобразный «защитный пояс» вокруг «жесткого ядра», с другой – обеспечивает последовательный рост научного знания. Такая методология, по мнению Лакатоса, способствует дальнейшему развитию знаний, вплоть до смены направленности научно-исследовательских программ.

Так, в разделе «Наука: разум или вера?» работы «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» Лакатос писал, что «на протяжении столетий знанием считалось то, что доказательно обосновано (proven) – силой интеллекта или показаниями чувств»³¹. При этом сомнения и скептицизм в способности разума и опыта в доказательном обосновании знания отступали перед славой ньютоновской физики. Однако Эйнштейн, по словам Лакатоса, «опять все перевернул вверх дном, и теперь лишь немногие философы или ученые все еще верят, что научное знание является доказательно обоснованным или, по крайней мере, может быть таковым»³². Поэтому Лакатос ставит вопрос о том, чем заменить рухнувшую классическую шкалу интеллектуальных ценностей, ибо нельзя довольствоваться некоторым разжиженным логическими эмпиристами идеалом доказательно обоснованной истины как соглашения, «достаточной для некоторых “социологов знания”»³³.

Анализируя проблему непрерывности и последовательности в развитии научных теорий, Лакатос берет за основу понятие исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями. В основе таких программ, как он считает, лежат некоторые методологические правила:

одна их часть указывает на то, каких путей исследования нужно избегать («отрицательная эвристика»), другая – какие пути избирать и как по ним идти («положительная эвристика»). Отрицательная эвристика охраняет «твердое ядро» исследовательской программы, образуя «защитный пояс» вокруг него. Программа считается успешной, если «защитный пояс», приспосабливаясь, переделываясь или полностью заменяясь, выдерживает главный удар со стороны проверок; если не выдерживает, то программа считается неуспешной, что приводит к регрессивному сдвигу проблем.

Классическим примером отрицательной эвристики исследовательской программы применительно к теории тяготения Ньютона Лакатос считал, с одной стороны, запрет подвергать сомнениям три ньютоновских закона динамики и закон тяготения, с другой – возможность аномалий «защитного пояса», т. е. вспомогательных гипотез и граничных условий. Такой подход, с его точки зрения, придает рациональный смысл классическому конвенционализму, но вместе с тем не отрицает возможности того, что «при определенных условиях твердое ядро, как мы его понимаем, может разрушиться»³⁴.

Поэтому положительной эвристикой определяется программа, в которую входит система более сложных теорий реальности, а «внимание ученого сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, какие изложены в позитивной части его программы»³⁵. При этом опровержения, возникающие в ходе развития исследовательских программ, являются предсказуемыми, а «положительная эвристика является стратегией этого предвидения и дальнейшего “переваривания”»³⁶, она играет «первую скрипку»

³¹Лакатос И. Наука: разум или вера? // Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 273.

³²Там же.

³³Там же.

³⁴Там же. С. 325.

³⁵Там же. С. 326.

³⁶Там же. С. 327.

в развитии исследовательских программ. Таков был подход самого Ньютона к дальнейшей разработке программы для планетарной системы, который не застревал на первой наивной модели, развивал ее, не полагал, что «уже первый вариант и образует “научное открытие”»³⁷.

Рассуждения Куна о необходимости в условиях дискуссии перевода несоизмеримых теорий с одного языка на другой; признание Фейерабендом предела фундаментальных теорий, значимости плюралистических методов, сравнения теорий и их улучшения; разработка Лакатосом методологии исследовательских программ, роли отрицательной и положительной эвристики как стратегии предвидения, создания и конструирования более сложных моделей реальности – все это показывает роль дискуссии, несоизмеримости, недоопределенности, контрнормативности, обосновывает «относительную автономию теоретической науки»³⁸, взаимосвязь конвенции, соглашения, консенсуса и диссенсуса, их взаимопереход друг в друга.

Таким образом, роль и значение консенсуальной методологии в определении истинности научного познания состоят в том, что в последнем преодолеваются не только «партикулярность и односторонность всех классических подходов к решению данной проблемы, но одновременно ассимилируются (“диалектически снимаются”) все позитивные моменты каждой из классических концепций природы научной истины»³⁹. Консенсуальный подход «полностью совместим с концепцией многофакторной

детерминации процесса научного познания: объектной, социальной, культурной, исторической, мировоззренческой, личностной»⁴⁰, в разработку и утверждение которой внесли значительный вклад представители постпозитивизма философии науки XX века.

Сегодня исследовательское внимание к постпозитивистским концепциям понимания закономерностей развития научного познания не является результатом простого интереса к историко-философской реконструкции философии науки XX века, т. к. потенциал конвенциональной методологической стратегии, особенно в социально-гуманитарных науках, возрастает в результате «происходящих в современной науке изменений и в значительной мере определяет ее когнитивные возможности» [5, с. 170].

Востребованность в современном научном познании потенциала конвенциональной и консенсуальной методологий обусловлена тем, что конвенции, консенсусы и диссенсусы не являются абстрактными, произвольно принимаемыми понятиями и договоренностями, они представляют собой «исторически сложившиеся и закрепленные соглашением конструкты, имеющие объективные предпосылки, отражающие социокультурный опыт человека» [1, с. 17]. Благодаря этому конвенции, договор, согласие, консенсус, их взаимосвязь с дискуссионно-гипотетическими способами и методами познания лежат в основе конструктивно-прогностической, коммуникативной, консенсуальной методологии научного познания и деятельности, динамики их дальнейшего развития.

³⁷Лакатос И. Указ. соч. С. 327.

³⁸Там же. С. 329.

³⁹Лебедев С.А. Указ. соч. С. 64.

⁴⁰Там же.

Список литературы

1. Микешина Л.А. Конвенция как универсальная операция познания и коммуникаций // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXV, № 1. С. 16–34.
2. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 605 с.
3. Оботурова Г.Н. Предмет и основные концепции философии науки XX в. // Актуальные проблемы философии науки: коллектив. моногр. Вологда, 2009. С. 15–24.
4. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. N. Y., 1968. 873 p.
5. Щедрина И.О. Конвенция как методологическая стратегия социально-гуманитарного знания в контексте культурно-исторического подхода (обзор научной конференции) // Вопр. философии. 2014. № 9. С. 170–174.

References

1. Mikeshina L.A. *Konventsiya kak universal'naya operatsiya poznaniya i kommunikatsiy* [Convention as a Universal Operation of Knowledge and Communications]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2013, vol. 35, no. 1, pp. 16–34.
2. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The Logic and the Growth of Scientific Knowledge]. Moscow, 1983. 605 p.
3. Oboturova G.N. *Predmet i osnovnye kontseptsii filosofii nauki XX v.* [The Subject and the Basic Concepts of the 20th-Century Philosophy of Science]. *Aktual'nye problemy filosofii nauki* [Urgent Issues of the Philosophy of Science]. Vologda, 2009, pp. 15–24.
4. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. New York, 1968. 873 p.
5. Shchedrina I.O. *Konventsiya kak metodologicheskaya strategiya sotsial'no-gumanitarnogo znaniya v kontekste kul'turno-istoricheskogo podkhoda (obzor nauchnoy konferentsii)* [Convention as a Methodological Strategy of Social and Humanitarian Knowledge in the Context of the Cultural and Historical Approach (Scientific Conference Review)]. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 9, pp. 170–174.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.58

Aleksey V. Oboturov
Vologda State University;
ul. Orlova 6, Vologda, 160035, Russian Federation;
e-mail: oboturov_a@mail.ru

CONSENSUAL APPROACH TO THE VALIDATION OF SCIENTIFIC THEORIES

This article analyses the role and importance of the consensual approach as well as the consensus-dissensus and convention-discussion ratios in the justification of objectivity and validity of scientific theories. The author provides a characteristic of traditional epistemology, focused on the priority of empirical, inductive methods, which consider convention to be a project of rationality, logical correctness, practical applicability, and lack of competing theories. Further, the paper shows the importance of the ideas of critical rationalism of K. Popper and representatives of postpositivism in overcoming empirical inductivism, in formulating key problems of nonclassical theory of knowledge, in the methodology of pluralism, under-determination of theory by empirical data, incommensurability of competing theories and counternormative conduct of scientists, as well as in the mutual understanding between the parties discussing the development of research programmes. Having analysed the works of postpositivists, the author proves that their views cannot be qualified as the position of

one-sided irrationalism and relativism, which explore, in the context of nonclassical epistemology, the problem of relative autonomy of theoretical science and generally accepted methodology. Moreover, the paper shows that T. Kuhn's arguments about the need to translate incommensurable theories from one language to another, P. Feyerabend's expansion of the limit of scientific theories and his use of the methods of "epistemological anarchism" and proliferation, as well as I. Lakatos' conceptualization of research programme methodology and heuristic potential played a positive role in the discussion of key problems of validation of scientific theories, especially during the scientific revolutions. The author points out that modern researchers turn to postpositivist conceptions not due to simple interest in the analysis of the problems of 20th-century philosophy of science, but due to the increasing potential of conventional methodological strategy, particularly within the humanities and social sciences, as the basis of the constructive-prognostic, communicative, and consensual process of scientific knowledge and activity.

Keywords: *philosophy of science, consensual approach, convention, consensus, dissensus, incommensurable theories, underdetermination, counternormative, limit of fundamental theories, pluralistic methodology.*

Поступила: 04.04.2016

Received: 4 April 2016